

ИСТОРИЯ ИСЛАМА

УДК 94 (470.67)

Е.И. Иноземцева

Рабство в средневековом Дагестане в контексте религиозных воззрений

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН

В рамках научной статьи делается попытка рассмотреть рабство в позднее Средневековье через призму воззрений основных мировых монотеистических религий и в этой связи осветить некоторые аспекты бытования института рабства в феодальном Дагестане.

Автор подчеркивает особую направленность религии ислам на строгую регламентацию института рабства на средневековом Востоке нормами шариата.

В противовес адату ислам настоятельно призывает своих адептов смягчать суровость рабства, приравнивая заботу о рабах к заботе о других своих подопечных. В исламе признается актом благочестия освобождение рабовладельцем своих рабов без выкупа в случае принятия ими мусульманской религии.

В статье приведены факты содержания в Дагестане как рабов-христиан, так и рабов-мусульман, отмечены факты и условия их освобождения.

Ключевые слова: *рабство, Северо-Восточный Кавказ, ислам, Коран, работорговля.*

The article attempts to analyse the phenomenon of slavery in the late Middle Ages through the prism of the world's major monotheistic religions and, thus, to highlight some aspects of slavery in the feudal Dagestan.

The author emphasizes the special focus of Islam on the strict regulation of the slavery institution in the medieval East by Shariat.

In contrast to adat, Islam strongly recommends to its adepts mitigating the severity of slavery and equating the care for servants to the care for other supervisee. Emancipation of slaves without making them pay ransom (provided they convert into Muslims) is considered an act of piety in Islam.

The article provides information on holding both Muslim and Christian slaves in Dagestan as well as on the facts and conditions of their emancipating.

Keywords: *slavery, North-Eastern Caucasus, Islam, Quran, slave trade.*

Рабство, будучи первой, самой откровенной и неприкрытой формой эксплуатации человека человеком, в течение тысячелетий сопровождало все три великие эпохи цивилизации – Древность, Средние века и Новое время. Рабство как форма порабощения и эксплуатации, пусть даже в пережиточных формах, благополучно просуществовало в ряде стран Востока вплоть до XX века, оказывая влияние на социальные структуры и общественное сознание.

В связи с изживанием римского рабства и возникновением христианства положение рабов в первые века н. э. изменилось к лучшему, за ними стали признаваться некоторые права, но они продолжали считаться собственностью своего господина.

Рабство при Мухаммеде было уже укоренившимся, и Коран признавал его, как признавал закон Моисея, как признавала его церковь в первые века христианства. Ислам старается смягчить суровость рабства и внушает своим последователям относиться к рабам кротко и снисходительно.

В Средние века сложилось идеологическое оправдание рабства, прежде всего в мировых религиях. Буддизм объяснял рабское положение человека его кармой, христианство – наказанием за грехи, ислам рассматривал рабство как проявление воли Аллаха,

который может вознести или уничтожить человека. В иудаизме рабство рассматривалось как проявление воли Божьей: верующий иудей до сих пор в своей молитве благодарит Бога за то, что тот не создал его рабом. Все мировые религии в отдельных случаях допускали осуждение рабства, но это не меняло сути дела – в глазах адептов всех мировых религий рабское состояние было проявлением воли Божьей.

У дагестанцев издавна существовала и развивалась сложная социальная терминология, отражавшая имущественное и правовое положение различных слоев населения. С одной стороны, весьма пестрая картина социальной структуры феодального Дагестана предопределяла такую же сложную социальную терминологию даже одного, отдельно взятого, социального института, в данном случае института рабства.

С другой стороны, такое разнообразие терминов, характеризующих изучаемый социальный институт, не оставляет сомнений в том, что он имел место в феодальном обществе Дагестана, составляя характерное своеобразие социального развития региона, будучи в то же время одной из вариаций базовой модели рабства на Кавказе в целом, в странах Востока и не только.

Наличие рабов на Северо-Восточном Кавказе вплоть до середины XIX в. фиксируется фактическим материалом, архивными документами, опубликованными в различных дореволюционных изданиях, а также в работах советских историков. О бесспорности факта существования в регионе института рабства свидетельствует и наличие в языках всех местных народов социального термина, отражающего понятие «раб», это: *лаг, лай, лукI, кул, караваш* и др., а также *ясырь*. Однако, хотя эта категория населения и именовалась рабами, по своему общественному положению она очень отличалась от рабов в обычном классическом понимании этого слова.

Само по себе рабство во все времена и у всех народов было величайшим несчастьем, а раб не считался полноценным человеком. Юридически рабы представляли собой самую бесправную, зависимую группу общества. Само состояние неволи лишало раба значения юридического лица, приравнивая его к вещи, к скоту. Что же касается рабов в феодальном Дагестане, то их жизнь протекала в сфере правового регулирования, и их правовой статус, как и статус различных категорий населения, относящихся к числу лично-несвободных, был определен еще и обычным правом – адатом.

Институт рабства в Дагестане следует рассматривать через призму мусульманской системы права. Ведь, как известно, положения мусульманского права о рабах, сложившиеся еще в раннем халифате, пережили Средневековье, не претерпев особых изменений, лишь обрастая комментариями. Все источники дагестанского происхождения, говорящие о рабстве, свидетельствуют о строгой регламентации этого института нормами шариата.

На протяжении всей истории человечества основным источником пополнения количества рабов были военнопленные. Плен оставался основным источником рабства и тогда, когда начали поработать и соплеменников. Взятый в плен иноплеменник был «не свой», «чужой» человек, что позволяло приравнивать его захват к захвату скота и прочего имущества и обращать в рабство. Таким образом, акт захвата, став нормой права, приобрел юридическую силу. По римскому праву захват в плен был юридическим основанием для возникновения рабского состояния [19, с. 7].

Источником пополнения контингента рабов в Средние века были не только войны, но и набеги феодалов в соседние области, что давало большое число пленных для продажи или обращения в домашнюю прислугу.

Судя по архивным источникам, подавляющее большинство рабов было немусульманского происхождения или из мусульман-шиитов (*кьул-кьажар*, т. е. «раб-перс»). Причиной этого, видимо, было то, что, согласно предписаниям ислама, единоверец-

мусульманин не мог быть обращен в рабство. Однако не всегда это предписание бралось в расчет, в некоторых случаях им пренебрегали.

Документы «Кизлярского комендантского архива» пестрят сообщениями о бегстве ясырей в «российские пределы», т. е. в Кизлярскую крепость. Так, в письме аксаевских владельцев Каплан-Гирея и Магомед-Уцмия Солтанмамутовых (4 июня 1748 г.) сообщается о том, что от них «бежали в Кизляр три холопа персияне магометанского закона...» [24, л. 57]; 13 июня 1788 г. те же владельцы сообщают кизлярскому коменданту о побеге уже пятерых холопов, четверо из которых «персияне».

Ясыри-рабы у кумыков были и русские, и мичикизские, и грузинские, и черкасские, были также и из Средней Азии – бухарские, юргенские. Помимо этого захватывались люди, отставшие от купеческих караванов или иностранных посольств, о чем сообщали в XVII веке Я. Стрейс и А. Олеарий [23, с. 219]. По словам Давида Бутлера, «тарковскими татарами» были захвачены пятнадцать немцев, бежавших из Астрахани от казаков Степана Разина [13, с. 27].

Работорговля – неотъемлемая часть человеческой цивилизации. В Римской империи, в античной Греции, в Византии, в странах Ближнего и Дальнего Востока и практически всюду на протяжении всех исторических эпох мы сталкиваемся с этим жестоким и противоречивым явлением. Источники свидетельствуют, что, будучи одним из видов имущества, рабы, в особенности пленники – ясыри, на Северном Кавказе выступали объектами купли-продажи, заклада, выкупа или обмена, что было намного выгоднее, чем использование их в качестве рабочей силы.

В Дагестане работорговля получила довольно широкое развитие. Количество рабов постоянно менялось вследствие стремления владельцев сбыть лишних из них. В этом и заключалась одна из специфических особенностей рабства в Дагестане.

В XVIII – начале XIX в. в связи с все более расширявшимися товарно-денежными отношениями не прекращалась торговля рабами, что стимулировало пленение и захват ясырей. Междоусобицы феодалов являлись благодатной почвой для пленения людей. Захватывали ясырей, нападая на проезжих из Закавказья в Терки и Астрахань, в Кабарду, Кубань, Крым. Грабили причалившие к каспийскому берегу корабли, а людей уводили в плен. Практиковались набеги дагестанских феодалов на закавказские владения, там брали в «полон людей, продавали их в разных местах до Согратля, Дербента, Тарки...» [6, с. 34].

Справедливости ради следует отметить, что если набеги дагестанцев получили название «лекианоба», то аналогичные действия грузин-горцев тушин назывались «меконроба», хевсуров – «аппарекоба». Такие набеги совершали представители и других горских народов Кавказа: кистины, осетины, сваны. Т. е. набеги на Дагестан также становятся частью политики феодалов Грузии с целью захвата добычи.

По рассказам старожилов Аварии, для захвата ясырей организовывались отряды, которые в набегах захватывали мужчин, женщин, маленьких детей, а также стада баранов и лошадей. Возвращение после набега в селениях отмечали особым празднеством. Так, участвовавших в подобных предприятиях гидатлинцев называли героями (бахарзал) и устраивали для них пиры и танцы [6, с. 35].

Слава, завоеванная в набегах, была для горцев предпочтительнее экономической выгоды и являлась для них лучшей наградой [5, с. 69]. Поэтому в фольклоре [4, с. 10] народов Северо-Восточного Кавказа сюжет набега и добычи фигурирует довольно часто [11, с. 116–117].

При всех свидетельствах, важно отметить, что не следует чрезмерно преувеличивать значение «профессионального разбоя» на Кавказе. Ведь даже имевшиеся в распоряжении ученых конца XIX века весьма неполные источники с высокой долей вероят-

ности отчетливо свидетельствуют о том, что «хищнические набеги» отнюдь не являлись основным источником существования местных жителей.

Несостоятельность оценки горцев Кавказа как профессиональных разбойников окончательно показали исследования историков и этнографов, в частности Дагестана, советского времени. В ходе интенсивных полевых и архивных изысканий доказано, что основой существования горского общества являлось многоотраслевое земледельческо-скотоводческое хозяйство. Набеги же носили скорее спорадический характер.

«Грузины, армяне, мингрелы, – свидетельствовал С. Броневский, – составляют большее число сих пленников. Однако бывают между ними магометане и горские жители, захватываемые по случаю междоусобных распрей в барамту (обычай захвата скота или имущества обидчика до возмещения убытка. – *Авт.*) или продаваемые родителями от бедности» [8, с. 286].

Приведем также один из архивных документов – письмо эндирейских владельцев Темира Хамзина и Баммата Айдемирова кизлярскому коменданту Н.А. Потапову (декабря 1764 г.), в котором сообщается, что аксаевские беки украли у них скот и умыкнули их холопов, а также эндирейских узденей, которых продали в рабство [7, с. 286]. Этот факт свидетельствует о том, что мусульмане продавали единоверцев в рабство, нарушая непререкаемый запрет превращать единоверца-мусульманина в раба.

С.Ш. Гаджиева в своем труде, посвященном историческому прошлому кумыков, говоря о подобных нарушениях предписаний Корана, утверждает, что нередко в рабы попадали представители свободного происхождения и даже переходили от одного владельца к другому. При этом она приводит архивные данные, свидетельствующие, что в 1850 г. сын Абдул-Муслима шамхала продал жителю сел. Аксай беременную женщину Рукият свободного происхождения, обвинив ее в плохом поведении, за две лошади стоимостью 100 руб. сер. Ее хозяин, оставив себе «приплод», отдал рабыню своей сестре, муж которой обратил ее в наложницы. После этого она была продана в Малую Кабарду [6, с. 206].

Рабство и работорговля отнюдь не являлись своеобразной «визитной карточкой» Кавказа наряду с буркой, шашлыком и т. п. «экзотикой», по легковесной информации падких на сенсации журналистов XIX в. Так, автор кандидатской диссертации «Рабство в Сибири и Оренбургском крае в XVIII – первой половине XIX в.», основываясь на архивных и литературных данных, констатировал, что в исследуемый им период на Сибирской кордонной линии также процветала торговля «живым товаром». При этом императорским указом 1757 г. право распоряжаться азиатскими рабами было ограничено: их разрешалось перепродавать лишь потомственным дворянам, т. е. лицам, имеющим право владения крепостными [15, с. 210–211]. С.Б. Броневский отмечал, что «в редком доме чиновника или купца (по Сибирской линии и в прилегающих городах. – *Авт.*) нет служанок из калмычек» [9, с. 165]. (Интересно заметить, что зачастую и девушек-рабынь из киргизов работорговцы выдавали за калмычек, т. е. здесь опять-таки срабатывало то обстоятельство, что калмыки – немусульмане, ведь мусульманам религией запрещено обращать в рабство единоверцев. – *Авт.*)

Приобретали рабов и представители высшей знати. Сам оренбургский военный губернатор Г.С. Волконский занимался распространением азиатских невольников среди петербургской и московской знати – он покупал их себе, а также дарил своим родным и знакомым. «...В то время ... в высшем свете была на них «мода»... Как видно, представители знати приобретали азиатских невольников как предмет экзотики...» [10, с. 14].

В недавно увидевшей свет работе Ю.Ю. Клычникова и А.А. Цыбулькиной, посвященной пленнопродавству (по терминологии авторов), мы находим вариации этого процесса, напоминающие вышеописанные нами: «Покупателями кавказских рабынь

нередко становились знатные мусульманки – воспитание девочек-невольниц с 8–10-летнего возраста среди дам высшего сословия рассматривалось как весьма выгодное финансовое предприятие» [13, с. 59]. «Экзотика» была также в моде и в Европе. «Английские и французские дворяне нередко покупали на восточных невольничьих рынках экзотических рабынь – например, черкешенок», – пишет Ю.Ю. Клычников. Он же приводит историю черкесской красавицы Аиссе, во Франции крещенной и нареченной Шарлотой-Элизабет, известной в высшем свете, но так и не получившей свободы [13, с. 61–62].

В этом смысле в еще более отвратительном свете предстает имперская политика Порты на Кавказе, т. к. и османские султаны, и крымские ханы охотно приобретали «черкесских» рабов в качестве ясырей и получали их в качестве «поминок» (подарков – *Авт.*) к восшествию на трон, игнорируя то обстоятельство, что многие пленники являлись мусульманами [22, с. 209]. «Пока турки и татары пользовались монополией в торговле кавказскими невольниками, – отмечал Осман-бей в середине XIX в., – они мало заботились о проповедовании нравственности и об обращении горцев к исламу; распространение магометанства, без сомнения, стеснило бы эту торговлю, так как продавать черкесов-идолопоклонников не было преступлением, а продажа черкесов-магометан могла бы пасть на совесть правоверных большим упреком» [18, с. 49].

Как пишет А.Ю. Чирг, Оттоманская порта несмотря на существовавшие в 30–40-е гг. XIX в. мирные отношения с Россией, фактически поощряла работорговлю на Кавказском побережье. В июне 1839 г. управляющему министерством иностранных дел К.В. Несельроде доносили об участии высших турецких сановников в работорговле [25, с. 77]. Знатные дамы высшего османского общества покупали у работорговцев юных красивых кавказских девушек и содержали у себя несколько лет, обучая умению вести себя в гареме, танцам, пению, музыке, восточному красноречию, а затем перепродавали их с большой для себя выгодой [13, с. 59–60].

Генерал Н.Н. Раевский писал в 1838 г.: «Торговля с восточными берегами (Черным морем. – *Авт.*) снабжала рабами всю Турецкую империю, работниками Трапезонтские рудники, рекрутами Мамелукское войско и женами восточные гаремы» [25, с. 79]. Рабы-мужчины эксплуатировались в сельском хозяйстве, труд их использовался на рудниках на добыче меди, железа, строительных работах, они были гребцами на торговых и военных судах того времени.

Обстановка изменилась лишь в начале XIX в., когда в результате вхождения отдельных кавказских владений в состав России сначала были ограничены, а затем и полностью ликвидированы основные источники работорговли – набеги и междуусобицы.

Право средневековых стран Востока, несомненно, видело в рабе человеческое существо, не наделяло его хозяина правом уничтожения своей собственности по своему волеизъявлению и в своем интересе. Мусульманское право не только не признавало за хозяином права на жизнь раба, но и предусматривало обязанность хозяина не изнурять раба непосильной работой и хорошо кормить. «На обязанности хозяина лежит содержание его раба или рабыни, а если он отказывается, и у них есть возможность добывать пропитание, то должны зарабатывать и содержать себя сами, а если нет у них возможности добывать пропитание, то хозяина следует принудить продать их» [19, с. 438–439]. «Не мучайте тварей Аллаха, – писал Аби Хамид Мухаммад ал-Газали, – потому, что Аллах дал их вам в собственность, а если бы захотел, то отдал бы вас в их собственность» [19, с. 439].

Везде на Ближнем Востоке рабы имели семьи и имущество. Так, рабы в Сирии могли владеть определенным имуществом и активно участвовать в деловой жизни общества; рабы могли получать свободное время для работы на себя.

Религия ислам, стараясь смягчить суровость рабства, настоятельно внушала своим последователям, относиться к рабам кротко и снисходительно.

По мусульманской религии, отпустить на волю раба – богоугодное дело, акт благочестия. По словам Пророка, – свидетельствует автор «Истории рабства...», ссылаясь на суры Корана, – «правоверный, отпускающий на волю своего ближнего, освобождает и самого себя от забот человеческих и мучений огня вечного» [12, с. 240]. Поэтому многие мусульмане, вняв призывам Корана, освобождали своих рабов после нескольких лет их рабства и, особенно, если последние принимали ислам. «Если кто из твоих рабов, – говорит Коран, – пожелает быть отпущенным на волю, исполни его желание, если считаешь его достойным, удели ему от сокровищ, которыми он наделил тебя...» [12, с. 240].

На Востоке, свидетельствует Дж. Ингрэм, раб не считался существом низшего разряда, рабское происхождение или рабство в прошлом не мешали ему достигнуть по освобождению высших общественных ступеней [12, с. 240]. Мусульманское право признавало только два принципиальных различия между людьми: мусульмане и немусульмане, а внутри этих групп – свободные и рабы. Забота же о рабах приравнивалась к заботе о других подопечных. «Родителям делайте добро и близким, и сиротам, и беднякам, и соседу-родственнику и соседу-чужаку, и близкому другу, и путнику, и тем, кем владеют десницы ваши», – призывает Коран [19, с. 426].

Считаем необходимым здесь провести некоторые аналогии. Холопство (рабство), как известно, исконный институт обычного права в средневековой Руси. Что касается Православия, то «...в своих заботах о спасении паствы церковь не могла не признавать в челяди образа и подобия Божия, ибо рабы такие же люди, только господам в услужение данные Богом. В целом ряде посланий рабовладельцы увещеваются обращаться с челядью милостиво, кормить и обувать ее и наставлять, как своих детей или домашних сирот...», – свидетельствуют Ф.А. Брокгауз и И.А. Евфрон [27, с. 533]. Другое дело как к этим увещеваниям относились владельцы холопов. Как предполагают авторы энциклопедии, они «едва ли часто трогали рабовладельческую совесть». «...Успешнее сказывалось влияние церкви в вопросах об отпущении холопов на волю. Воздействуя на своих сынов во время исповеди, особенно перед смертью, духовенство имело возможность во многих случаях настоять на освобождении хотя нескольких людей из состава челяди каждого рабовладельца «на упокой души» [27, с. 534].

Примерно так же обстояло дело и в Дагестане. По данным Ш.М. Мансурова, в условиях Салатавского союза сельских общин военнопленный в положении раба, т. е. бесправного члена общества, которого можно свободно отчуждать как собственность, находился временно. Владельцы обычно отпускали рабов, когда наступала пора обзаведения семьей, за определенный выкуп или безвозмездно (*тархъан* и *гъарула*) [16, с. 94]. «...Рабы на Востоке практически везде имели семьи. (Одним из проявлений богоугодной заботы о рабах считалось содействие их браку). Общественной моралью не одобрялись те случаи, когда хозяин силой разлучал своих рабов – мужа и жену, или родителей и детей. Во всяком случае, в действующих законодательных актах во многих странах средневекового Востока не было нормы, которая бы четко провозглашала право хозяина продать членов семьи своего раба поодиночке по своему усмотрению» [19, с. 50]. Обратив в мусульманскую веру купленного или захваченного иноверца, дав ему свободу, свидетельствуют адаты салатавцев, по шариату считалось действием равноценным посещению Мекки. Рабов также освобождали за совершенные подвиги или за полезные для общества дела [16, с. 94].

Р.М. Магомедов приводит письмо кадия и ученых джамаата Маалал «большим людям» и кадию сел. Чиркей, в котором утверждается, что если пленный указывал, что он

мусульманин, его должны были освободить без выкупа [14, с. 199]. В действительности это далеко не всегда соблюдалось. Так, Ш.М. Мансуров приводит очень интересные данные о том, что если раба без выкупа не отпускали, а он не в состоянии был себя выкупить, то в таких случаях в каждой общественной казне салатавских джамаатов существовал определенный фонд для выкупа рабов [16, с. 95]. Освобожденным рабам, если не хозяином, то джамаатом, выделялся небольшой участок земли из некультивируемой общинной собственности. Так, в XVIII в. житель сел. Миатли по имени Омар отпустил своего раба на волю, выделив ему земельный надел [16, с. 95]. Известно, что в сел. Буртунай бывшим рабам джамаат выделял участки под строительство дома в отдельном квартале [7, с. 29–30].

По наблюдениям Ш.М. Мансурова, до освобождения раб находился в полной и неограниченной власти владельца, и никто не имел права вмешиваться в «хозяев и холопов междоусобные дела». После же освобождения община брала его под свое покровительство. В Чиркее в середине XIX в. до 200 семей считались отпущенными на волю одновременно своими владельцами [16, с. 95]. После освобождения рабы формально становились правоспособными лицами, но фактически даже их потомки постоянно подвергались правовой, политической и экономической дискриминации в джамаате. Существовал ряд форм морального унижения и материального притеснения отпущенных на волю и их потомков.

По обычному праву салатавцев, если переселенец-вольнотпущенник или его предки когда-то были рабами, то таких лиц принимали в общину на очень жестких условиях. О подобном факте свидетельствует предание, в котором говорится о том, что вольнотпущенный Галбац с семьей остановился недалеко от сел. Гертма и долго просил джамаат принять его. В очередную пятницу при рассмотрении этого вопроса было решено принять его в общину с условием, что он и его потомки вечно будут работать общественными пастухами, не претендуя на большее. Галбаца с семьей приняли в джамаат, т. е. община взяла их под свое покровительство, но никто не принял их в свой тухум [16, с. 98].

В союзах сельских общин Дагестана, где имело место рабовладение, рабы не находили должного применения в хозяйстве из-за скудности земельных угодий и в основном либо освобождались за выкуп или даже без выкупа, либо поставлялись на рынок в центрах работоторговли. Освобожденные или отпущенные на волю рабы постепенно становились членами сельского общества, образуя со временем рабские тухумы, заселяя целые кварталы и даже отдельные поселки. По данным М.А. Агларова, освобожденные рабы в Гидатлинском союзе сельских общин, в сел. Гента, назывались *нахъателал* (букв. стоящие в последних рядах). В сел. Чиркей – *лаг тархан* (вольнотпущенник), в Телетле – *тархъанта-ралал*, в других аварских селах – *тархъан гъарурал*, *лагътархъан* или просто *тархъан* [3, с. 142].

В ряде случаев владельцы могли дать рабам волю и без выкупа, например в «богоугодных» целях, в честь прихода уважаемого кунака, а также в честь знаменательных событий (рождение долгожданного сына, излечение от продолжительной болезни и т. п.). Рабы, получившие освобождение за выкуп, а также их потомство при фактическом неравенстве формально все же становились членами сельского джамаата [20, с. 162].

Д.-М. Шихалиев свидетельствовал: «Отпустить холопа на волю, во мнении мусульман, есть благое и богоугодное дело; почему при болезнях или каких-нибудь потерях в семействах господ отпускают их на волю вследствие данного обета, а иногда увольняют их за деньги» [26, с. 66].

В ходе борьбы народов Северо-Восточного Кавказа в 20–50 гг. XIX в. Шамилем были предприняты прямые шаги к освобождению рабов. Шамиль не только почти поголовно истребил аварских феодалов, но и освободил принадлежавших им рабов. Рабы узденской верхушки не были освобождены, но владельцам их Шамиль вменил в обязанность «снабжать людей всем необходимым и обращаться с ними человеколюбиво» [1, с. 1481–1486]. Как тут не вспомнить одну из рекомендаций священного писания мусульман: «Родителям делайте добро и близким, и сиротам, и беднякам, и соседу-родственнику и соседу-чужаку, и путнику, и тем, кем владеют десницы ваши» [19, с. 426] (выделено нами. – *Авт.*).

Как показывают источники, со временем менялось отношение и самих дагестанцев к порабощению людей как к явлению, несоответствующему не только предписаниям Корана, но и элементарным нормам гуманизма. Так, услышав о том, что жителями сел. Чиркей угнаны из Грузии и удерживаются в рабстве несколько человек, в том числе женщины и дети, к ним с настоятельной просьбой отпустить невольников обратились представители сел. Маалал: «Нам не верится, что от вас может исходить столь неподобающее дело, о котором мы слышали, – говорится в письме маалалцев, – но все же правдивые люди рассказали нам, что это действительно так. По этой [причине] мы посылаем это письмо, веря в ваш намус и мужество. Надеемся, что вы не отвергните нашу просьбу, если не ради нас, то хотя бы ради Бога. Наша просьба основана на постановлениях шариата о том, что нельзя держать мусульман в качестве рабов. Отпустите же этих мужчин, женщин и детей, как отпустили наши люди. Клянемся именем бога, что у нас не осталось ни одного человека, принадлежащего к мусульманам...» [14, с. 192].

Литература

1. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. – Тифлис, 1904. Т. XII.
2. *Акбиев А.С.* Кумыки. Вторая половина XVII – первая половина XVIII века. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1998.
3. *Агларов М.А.* Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. (Исследование взаимоотношения форм хозяйства, социальных структур и этноса). – М.: Наука, 1988.
4. Антология чечено-ингушской поэзии. – Грозный, 1981.
5. *Ахлаков А.А.* Героико-исторические песни аварцев. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1968.
6. *Ахмедов Ш.М.* Рабство в Дагестане // РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 287.
7. *Бахтамов И.М.* Чирка или аул Чиркей // Кавказ, 1863. – № 29–30.
8. *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. – Нальчик, 1999. (Репр. воспр. – М., 1823).
9. *Броневский С.Б.* Записки о киргиз-кайсаках Средней орды // Отечественные записки, издаваемые Павлом Свиным. – СПб: Тип. департамента внешней торговли, 1830. Ч. 42. – № 121.
10. *Волконский С.М.* О декабристах (по семейным воспоминаниям). – СПб, 1998.
11. *Далгат У.Б.* Героический эпос чеченцев и ингушей. Исследование и тексты. – М.: Наука, 1972.
12. *Ингрэм Дж.* История рабства от древнейших до новых времен / пер. с англ. З.Н. Журавской. 2-е изд. – М.: Книжный дом «Либроком», 2011.
13. *Иноземцева Е.И.* Институт рабства в феодальном Дагестане. Очерки истории. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН. Алеф, 2014.

14. Клычников Ю.Ю., Цыбульникова А.А. «Так буйную вольность законы теснят...»: Борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе исторические очерки / под ред. и с предисловием Б.В. Виноградова. – Пятигорск: РИА-КМВ, 2011.
15. Магомедов Р.М. Исторические этюды. Вып. II. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1975.
16. Мальцев И.А. Рабство в Сибири и Оренбургском крае в XVIII – первой половине XIX в.: дис. ... к. ист. н. – СПб, 2008.
17. Мансуров Ш.М. Салатавия (социально-экономическая история в конце XVIII – первой половине XIX вв.). – Махачкала: Юпитер, 1995.
18. Оразаев Г.М.-Р. Памятники тюркоязычной деловой переписки в Дагестане XVIII в. (Опыт историко-филологического исследования документов фонда «Кизлярский комендант»). – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2002.
19. Осман-бей. Воспоминания 1855 года. События в Грузии и на Кавказе // Кавказский сборник. – Тифлис, 1877. Т. 2.
20. Рабство в странах Востока в Средние века. – М.: Наука, 1986.
21. Рамазанов Х.Х. Крестьянская реформа в Дагестане // УЗ ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. – Махачкала, 1961. – Т. IX.
22. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты в XVIII столетии. – Одесса, 1889.
23. Стрейс Я. Три путешествия. – М.: ОГИЗ, 1935.
24. ЦГА РД. Ф. 339. Оп. 1. Д. 5.
25. Чирг А.Ю. Борьба России против контрабанды и работорговли на Северо-Западном Кавказе (1829–1864 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – М., 1987.
26. Шихалиев Д.-М. Рассказ кумыка о кумыках / сост., предисл. и коммент. д-ра ист. наук С.Ш. Гаджиевой. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1993.
27. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. – СПб, 1903. – Т. 74.

Поступила в редакцию 09.07.2014 г.